

Борис Споров

ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО...

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2019

УДК 244
ББК 86372
С73

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р19-903-0100

Во что бы то ни стало...

I

Итак, все ясно определено: операцию делать поздно, умирать рано. Еще полгода — и болеутоляющие без ограничения. Было непросто оказаться без выбора.

Щербатов Петр Константинович, крупный чиновник городской управы, внешне крепкий и моложавый в свои пятьдесят лет, медленно сошел по ступенькам центрального входа спецбольницы и, не задерживаясь, направился в отгороженный больничный скверик со скамьями с изогнутыми спинками. Сел, невольно вздохнул, достал из кармана дорогие сигареты и зажигалку, и уже по тому, как он прикуривал, было понятно — курильщик без опыта... А ведь так было все ладно и складно: и служба, и достаток, и жена-умница, и единственная дочь

Споров Б. Ф.

С73 Во что бы то ни стало... — М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2019. — 240 с.

Повесть и рассказы, вошедшие в книгу, знакомят читателя с разными героями — одни демонстрируют неспособность понять главное, и даже явное чудо не может привести их к Богу; другие же стремятся жить по-настоящему: верить, любить, познавать. Разные жизни, разные и итоги жизни...

Произведения Б. Ф. Спорова глубоко проникают в душу, затрагиваемые автором темы заставляют задуматься о вечности, о тайне бытия...

© Издательство Московской
Патриархии Русской
Православной Церкви, 2019

© Споров Б. Ф., текст, 2019

ISBN 978-5-88017-779-0

окончила вуз и удачно вышла замуж — отделилась. И они вдвоем с женой Валентиной Викторовной вновь остались, как в молодости, в просторной трехкомнатной квартире. Живи и радуйся, занимайся службой и любимым делом, если оно имеется. Почему же так: в лучший, может быть, период жизни собираться в дорогу?..

Близилось бабье лето. Но и теперь небо было ясное, солнечное, воздух теплый, с бодрящим дуновением прохлады — даже в городе ощутима эта свежесть. Щербатов курил, но даже не затягивался и думал как-то неопределенно обо всем сразу. «Приговор» не стал для него неожиданностью. Давно уже он почувствовал, что болен, но отмахивался от предчувствий: много работал, во время отпуска ездил на курорты, купался в море, загорал, но предчувствие не покидало. А в минувшем году выяснилось, что и загорать ему вредно.

И здесь, на скамейке, казалось, он глубоко задумался, на самом же деле мысли его были рассеянными и непоследовательными: то Щербатов вспоминал свое детство и невольно улыбался — счастливая пора:

единственный сын в семье, баловень, сынок папенькин, второго секретаря горкома партии... И тотчас — общеобразовательная школа: учился на медаль и даже сочинял стихи и слыл школьным поэтом. Он даже публиковал стихотворения, но лишь в школьной стенгазете — и все читали... В Политехническом увлекся изобретениями — что-то удавалось, но до серьезного не дошло. А на заводе оказался в отделе технического контроля — работа серьезная, но не творческая. Пять лет отработал и с тех пор двадцать лет неизменно в управе. Начал с малого, поднялся до главного. И всюду на хорошем счету, так что Петр Константинович считал себя заслуженным человеком в городе, даже старался слово держать. И верно — ничего плохого о нем вслух не говорили. И когда Щербатов пытался определить свои человеческие недостатки, он не находил таковых. Жизнь протекала достойно.

«Держись, Петр Константинович, тебе еще год», — пошутил над собой Щербатов и даже улыбнулся, но тотчас и вздохнул. Не верил он этим предсказаниям, не хотел верить. Обвел взглядом тихий скверик. Деревья

стояли в летнем уборе, но с кленов уже упали первые пожелтевшие листья. И даже под ногами лежал, как чья-то ладошка, опавший лист. Щербатов поднял его и, покручивая, пристрасно разглядывал его зеленоватые прожилки. «А если это последняя осень? — и в голове размеренно отозвался гулкий пульс. — И последний осенний лист в руке, а затем уже ночь и беспамятство? Через год? А может быть, и ближе...» И тотчас захотелось убежать, скрыться. Но от кого? От всех? От себя не убежишь и не скроешься.

Щербатов покачал головой и встал, вспомнив, что его ждет служебная машина с шофером. И по мере возможности он быстро пошел к стоянке за воротами. Удивительно, лишь одна мысль оседала в его голове: «Сесть в машину и ехать бесцельно, не зная куда — сбежать».

Сергей, шофер лет тридцати, откинувшись на сиденье, читал книгу... А зачем и что он читает? Чтобы не уснуть? Чтобы развлечься? Или чтобы поумнеть?..

Щербатов сел поудобнее, пристегнулся и только тогда спросил Сергея:

— Что читаешь?

— Да вот «Гаргантюа и Пантагрюэль».

— Забавная штука, — весомо отметил Щербатов, подумав: «Ни строчки никогда не прочел...»

— Забавная... Сатира еще та, вроде нашего Салтыкова-Щедрина... — Сергей сунул книгу в карман сиденья и, уже поворачивая ключ зажигания, спросил: «Куда?»

— Отвези-ка меня домой, — просительно и безвольно отозвался он.

Бесшумно и мягко машина поплыла по асфальту.

Щербатов смотрел в лобовое стекло и ничего не видел, не хотел видеть. А когда увидел, половину пути уже миновали. И в тот же момент боковым зрением впереди на расстоянии увидел женщину на костылях. Она скакала и часто останавливалась, обвисая на костылях и роняя голову на грудь. И что-то заставило дрогнуть сердце Щербатова. В обычное время он этого и не заметил бы — весь мир на костылях гремит. А тут заметил и даже содрогнулся.

— Тормозни, — указал он рукой на женщину с костылями.

Шофер чуточку опередил ее, притерся к тротуару, и машина остановилась.

Это оказалась молодая женщина — до тридцати. Щербатов отстегнул ремень безопасности, открыл дверцу салона и негромко окликнул:

— Девушка, идите в машину — подвезем.

Она подняла взгляд, недоумевая.

— Это меня?

— Вас, вас, идите — подвезем...

— Да ну что вы! Как-нибудь допрыгаю...

— А что, далеко прыгать?

— Да семь верст без привязки. — И пожаловалась: — Транспорт общественный по пути не ходит...

А между тем Щербатов уже вышел из машины и приблизился к ней, спрашивая:

— Как вас зовут?

— Меня? Наташей...

— Вот и хорошо, Наташа, я вам помогу, садитесь в машину...

— Да вот, гипс сняли, а идти непривычно, — снова пожаловалась она в оправдание.

Шофер открыл заднюю дверцу — просторно. Помогли, и Наташа с трудом угнез-

дилась. Костыли разместили через другую дверку.

— Можно не пристегиваться, — улыбаясь, предупредил Сергей. — Я аккуратно...

Мужчины пристроились впереди, и машина тронулась. Наташа назвала улицу и номер дома. Оба такой улицы не знали, и она руководила проездом. Всего пятнадцать минут езды, но столько поворотов и улочек, что Щербатов невольно с усмешкой определил:

— Как в лабиринте.

Приняв это за укор, Наташа разочарованно сказала:

— Я говорила... доскакала бы.

Щербатов косился в зеркальце, видел ее лицо и оценивал его, как вещь перед покупкой. Это было лицо без внешней красоты, однако в нем таилось такое, что не мог он через зеркало оценить и понять. Лицо доброе и тревожное, обаятельное и вдумчивое, и черты лица, и его выражение как будто неповторимые, так что Щербатов рассматривал ее лицо не без интереса, но понять не мог — маловато зеркальце. Не мог понять он и того, зачем ему понадобилось везти эту женщину

на костылях в машине, — могла бы и сама взять такси и доехать.

Наконец, машина остановилась. Щербатов очнулся: привез, так уж будь любезен — высади и проводи. Он вышел из салона, помог ей встать на костыли и только теперь обратил внимание, что она не в брюках, а в аккуратном, по сезону, женском костюме, под которым виднелся свитерок. И в душе засмеялся от восторга — очень уж он не любил женщин, особенно в годах, в брюках. Заметил и другое: на подбородке от губы вниз еле приметная ниточка шрама, что придавало лицу неуловимо особое выражение. Но Щербатов не мог разглядеть ее глаза — она тотчас отвела взгляд.

— Спасибо вам большое, — сказала Наташа, выставила костыли, чтобы скокнуть, и, обратившись в сторону машины, с улыбкой поблагодарила шофера.

— Я вас провожу, — отозвался Щербатов.

— Нет, нет, что вы, что вы! — чуть не в страхе воскликнула она.

— Вы почему так испугались? Или я на разбойника похож?

— Не похож, не похож, только не надо меня...

Но Щербатов был неумолим. Он настойчиво оставался рядом, затем открыл подъездную дверь, помог пройти.

— У вас нет лифта... Вам на какой этаж?

Уже содрогаясь, сквозь слезы Наташа с негодованием сказала:

— Да не на какой! Мне вниз...

«Понятно, — мельком рассудил Щербатов, — полуподвал». После этого включилось уже профессиональное упрямство: он должен посмотреть, как в наше время живут люди, и никакие возражения теперь не принимаются. Пораженная этим, Наташа безмолствовала, лишь постукивала костылями.

Единственная комната с одним полуподвальным окном была средних размеров и начиналась сразу с порога. Комната была разгорожена занавеской по центру, слева на кровати поверх одеяла лежала женщина средних лет; справа стояла еще кровать, застеленная, — Наташи. Рядом с изголовьем — не то широкая тумбочка, не то столик с настольной лампой и книгами на нем. С обеих сторон при

входе — вешалки для верхнего платья. Впереди — обеденный стол и три стула. Справа, вплотную к кровати Наташи, — выдавший виды платяной шкаф. Своей широкой спиной он отгораживал кровать от прямого взгляда с порога.

— А как вас называть? — тихо спросила Наташа.

— Петром Константиновичем или просто Петром, — тоже тихо ответил Щербатов.

— Мама, — позвала Наташа. — Завари чайку. Петра Константиновича угостить медком.

— Нет, нет, я спешу, я завтра заеду к вам на чай, — отговорился Щербатов и смущенно и даже суетно поспешил проститься, вовсе не думая о завтрашнем дне и даже не поинтересовавшись, в какое время удобнее. В тот момент он желал только одного — уйти. И ушел.

II

Ни слова Щербатов не произнес в машине, и шофер знал, что это значило — напрямик домой, что он и сделал.

Переодевшись в прихожей в домашнее, он закрылся в кабинете и не выходил до ужина. Садился ли к столу, ложился ли на диван или ходил по кабинету, Щербатов пытался, но не мог понять простенькую историю с этой женщиной. С какой стати он остановил машину и завел разговор с незнакомой женщиной на костылях, которую и видел-то впервые, а потом спустился в это подземелье?!

«Но не она же меня туда затащила — сам пожаловал!» — возмутился по себя Щербатов.

Зазвонил телефон — жена: она извещала, что задержится на одну лекцию, так что при желании он может поужинать один, но лучше, если вместе. Щербатов что-то невнятное проворчал в ответ и положил трубку. Жена поняла, в каком состоянии муж, а он и понимать ничего не хотел. Ходил по комнате, как в клетке, тщетно пытаясь ответить на свои же вопросы.

«Где она работает, что живет в этом подземелье? Я полагал, у нас в городе не осталось такого жилья... Нет денег купить квартиру, значит, ждет очередности». Однако этими мыслями он отвлекал себя от главного:

почему так помнится эта женщина, не любовница же, а в душу влезла... ее лицо и даже тоненький шрам на подбородке — наверное, с детства. А сколько ей лет? Неужели может завязаться нечто похожее на последний роман? Только ведь на все про все остался год жизни, включая и месяца два-три работы в управе. Какое-то наваждение — и только...

К тому времени, когда пришла жена, Щербатов успокоился, и ужинать они сели, как обычно, мирно.

С женой они были знакомы со школьных лет. Все друзья и родные считали, что семья Щербатовых сложилась удачно. Они и сами так считали. А что заимели на двоих только одну дочку — так уж получилось.

К ужину они обычно сходились уставшие, с «опухшими языками» от многословия, так что говорить за столом не было желания, а если и завязывался разговор, то каждый докладывал о своей работе. Однажды Щербатов, усмехнувшись, определил так:

— У нас производственная летучка...

Так и звала жена мужа к столу:

— Петр Константинович, иди на летучку.

Теперь же к этому прибавилось здоровье — состояние, самочувствие. Но в общем разговор не выходил из заданных шаблонов.

— И вновь пришлось читать дополнительную лекцию. «Окно» по болезни — все болят. А куда денешься?

— И деваться не надо — все живые люди.

— Кстати, а каковы твои результаты, определились?

— Решали по миграции...

— Да твои, личные.

— И то — личное, и свое — личное... Если ты о здоровье, то ничего нового. Через некоторое время придется повторить.

— Что-то ты в лице изменился...

— Устал.

— Вся наша жизнь: устаем и отдыхаем — жить некогда.

— Дочь не звонила?

— Как не звонила? Звонила.

— И что?

— Ничего. Собрались на бархатное море.

— А как ваш ректор поживает?

— Лютует. Ничего нового.

— Вот и у меня: лишь повестка дня меняется.

— И это уже хорошо. Значит, живы.

— Живы...

Петр Константинович поднялся из-за стола и молча вышел из столовой. Провожая его взглядом, Валентина Викторовна подумала: «Что-то он кислый, молчит, что ли, о чем?»

Вот и весь разговор за ужином и на текущий вечер. Они разойдутся по своим кабинетам, где отдохнут и будут заняты до самого отхода ко сну: ей необходимо подготовиться к лекциям; у него каждый вечер иные заботы — доклады, совещания, визиты, проверки. И такой распорядок обоим устраивал — они не мешали друг другу жить.

Не будем заглядывать в кабинет Валентины Викторовны — неприлично...

В кабинете же Петра Константиновича следовало продолжение. Из головы не выходил гарантированный год. Кто гарантировал — и вспомнить не мог... А еще в мысли вмешивалась женщина на костылях. У него в жизни был не единственный

роман — с женой. И теперь краем сознания он недоумевал: что это?! И как только он спрашивал: «Что это?» — тотчас начинались наплывы: ее костыли, ее голос, ее лицо с тонким шрамом на подбородке и, конечно же, полуподвальная жилплощадь...

Щербатов выхаживал по кабинету, хмурился, понимая, что ему стыдно за быт этих двух несчастных женщин. Он даже не догадывался, что надо бы помочь, что это он мог бы сделать. Щербатов так привык к потоку — к массе, которая еженедельно идет на прием за помощью по различным вопросам; он сознавал, что таких людей бесконечно много, а это значит — такова жизнь, которую не изменить ни словом, ни росчерком пера... Но теперь ему казалось, что тут особый случай, ведь зачем-то он пообещал заехать на чаепитие, что уж совсем глупо.

«Никаких заездов — и точка», — пресек наконец Щербатов свои мысли и сел за письменный стол просмотреть дневную почту. Но и тогда перед ним оставалось лицо уличной знакомой. «Зачем же обещал, лукавый? И чем моя жизнь отличается от ее

жизни? — Благополучием. Но мне год остался, а ей... Так кто из нас более счастливый? Ведь и у нее будет год...» Именно тогда Щербатов прямо и подумал: «Если это и все, то зачем?..»

Этот вопрос будто потряс его. Впервые Щербатов подумал о безысходности собственной жизни. Но это был не страх перед смертью вообще — он схоронил своих родителей, схоронил десяток родных и сослуживцев, но всегда при этом чувствовал, даже был уверен, что такая участь его лично минует. А тут вдруг и гарантированный год представился мгновением — завтра утром и не проснешься... И это «вдруг» вновь возвратило его к женщине на костылях...

Уже в двадцать два часа Щербатов решил лечь спать с целью уйти от себя, но не получилось. Всю ночь ворочался он с боку на бок, ему казалось, что он задыхается. В конце концов Щербатов вставал, прохаживался в уличном свете по кабинету, потом шел в туалет — без необходимости, снова ложился, закрывал глаза... Но сна все не было — была женщина на костылях и гарантированный год.

Уснул Щербатов, когда уже пора было вставать.

* * *

— Валентина Викторовна! — приоткрыв дверь, окликнул он. Тишиной отозвалась квартира. Значит, ушла в институт, не разбудив перед уходом.

Вызвал машину к десяти часам и стал приводить себя в порядок. Потом даже приложился к приготовленному для него завтраку. А когда глянул на себя в зеркало, то изумился своему болезненному виду. «Наверное, **и он** за работу взялся», — подумал Щербатов перед выходом.

III

В управе то суета, то тишина, в управе — работа, не отвлечься. Но как только Щербатов оставался один в кабинете, тотчас мысли переключались на личное: когда объявить об уходе? Или болтаться на больничном? Или работать весь гарантированный год? Впрочем, время подскажет... И тоска, тоска начинала точить грудь. Он пытался переключиться на что-то другое и автоматически

переключался на Наташу с костылями, при этом даже усмехался в негодовании.

Настроение было тяжелое не только от дум о близком будущем, но и потому, что не отдохнул, не выпался, что заниматься казенными делами не было желания. Пригласил помощника, сказал, что отлучится в больницу, совещание просил провести без него, определил, какое следует принять решение. Других срочных дел не было...

Оставшись один, он собрал в портфель некоторые бумаги — посмотреть дома — и позвонил, чтобы подали машину...

— Куда? — спросил шофер. Щербатов неопределенно махнул рукой, что обычно значило: домой. Вдруг совсем неожиданно, посреди пути, он сказал:

— Давай проведем ту женщину с костылями — запомнил улицу?

— Конечно запомнил, — с усмешкой отозвался Сергей и на первом же перекрестке свернул направо.

По-хозяйски спустился в полуподвал, на долю секунды прикрыл глаза, помедлил перед дверью: электрического звонка не

было, и он согнутыми перстами стукнул в дверь.

— Входите! Открыто! — отозвалась Наташа.

И он вошел.

На этот раз комната была ярко освещена электрическим светом, так что Щербатов невольно на мгновение прикрыл глаза, на что Наташа коротко засмеялась:

— Это, Петр Константинович, вместо солнца: светит, но не греет!.. Здравствуй-те! — и тотчас смутилась: костыли стояли возле двери, без них она передвигалась по комнате со стулом.

— Здравствуйте, Наташа... Я же говорил вам: приеду пить чай.

— Не подумала, что вы такой обязательный человек... Плащик и шляпу можно на вешалку.

И пока Щербатов, отвернувшись, общался с вешалкой, она кое-как допрыгала до костылей, говоря что-то несвязное.

При ярком освещении он лучше рассмотрел «подземелье» — обе стороны комнаты — и был удивлен приспособляемостью

человека к нечеловеческим условиям. В комнате было компактно, он так и подумал: «Компактно», — все необходимое было размещено. Окно занавешено: понятно, мало удовольствия смотреть на ноги прохожих. Разделяющая комнату занавеска была не просто занавеской: с одной стороны она прикрывала стеллажек с книгами, с другой — несколько приспособлений для нужд пожилой матери, которая и вела домашнее хозяйство.

Ломберный столик возле изголовья кровати Наташи был занят книгами, бумагами. Возле кроватей с обеих сторон под ногами — коврики, на стенах — дешевенькие ковры. Но наиболее поразили в углах и справа, и слева иконы над изголовьем.

«Закономерная дремучесть», — подумал Щербатов, переводя взгляд на хозяйку.

Наташа уже налила в чайник воды и включила его. Поставила на стол темно-синие чайные чашки на блюдцах с азиатской расцветкой, засыпала чай в заварной чайник, выставила банку меда, сухое печенье, карамель, сахар. Столик с левой стороны оказался

небольшим бесшумным холодильником, из которого она и достала нераспечатанную брынзу и нарезанный белый батон в пакете под скрепкой. Управлялась она на одном костыле, что-то все говоря.

— А вы что стоите, присаживайтесь к столу...

— Смотрю вот: помочь бы надо, но ведь только мешать стану.

— Какая тут помощь! Не пельмени же лепить, а воду жарить.

Шумно закипел чайник. Щелкнул выключатель. Залили заварной чайник, покрыли матрешкой.

— Ну вот, минуточку-две повременим, и чай готов, — без смущения доложила Наташа, присаживаясь к столу напротив.

— Неприлично тотчас с вопросами, но скажите: что с вашей ногой?

— Что тут неприличного!.. Сшиб лихач на машине. Ладно хоть ногу переломил, а не позвоночник.

— Задержали?

— Куда там! Никто и не попытался — укатил. Скорую вызвали — и то ладно. Ничего,

— И не зашел.

— Некогда, — внук развел руками.

— Некогда, — эхом отозвалась Екатерина Борисовна.

Внук юркнул в дверь и был таков, а она сидела на стуле с письмом в руках, забылась. Наконец спохватилась, включила свет, разорвала конверт: и вновь ее охватывало равнодушие.

«В отпуск, — писал Николай, — не приеду. Таня болеет, мы поедem на курорт...» — Мать в гости он не приглашал, хотя она прямо писала о своем желании. Словом, письмо было таким, какие она получала уже много лет, все с теми же трафаретными отписками.

Вздохнув, она пристально посмотрела на початую бутылку, налила стопку — выпила, и выглядела даже спокойной. Поднялась, усмехнулась на оплывшие пельмени, выключила свет, вновь села к столу и неожиданно тихо застонала.

И еще долго слышала жилища ее всхлипания и вздохи.

Содержание

Во что бы то ни стало... ..	3
Исповедь	160
День тишины	173
Старик	194
Некогда	231

*Художественная
православная литература*
Борис Федорович Споров
Во что бы то ни стало...

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*
Редактор *А. Концевенко*
Дизайн обложки *А. Соловьев*
Технический редактор *З. Кондрашова*
Корректоры *Г. Абудеева. М. Просветова*
Верстка *М. Алимпиев*

Подписано в печать 18.03.2019
Формат 60×84/32. Объем 7,5 печ. л.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Заказ №

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
119435, Москва, ул. Погодинская, 18

Оптовый отдел реализации:
(499) 246-20-85, (499) 246-52-08

Магазин на ул. Погодинской: (499) 245-30-68

Магазин на ул. Бакунинской: (499) 246-25-35

E-mail: books@rop.ru; <http://www.rop.ru>